

— Тосковал Фёдор-то Андреич! Ой, тоскова-а-ал! — баба Маня уголком повязанного под подбородком платка вытерла глаза, хотя слёз вроде бы и не было. — Как Клавдию-то схоронил, так и затосковал. Оне ить душа в душу шестьдесят годков прожили и, поверишь ли, не разу не ругивались. Да, тоскова-а-ал. Да и она, видать, там тоже по ёму тосковала, вот и забрала к себе. Ить как раз на сороковой день и забрала. Помянули, как полагается, на погост сходили, потом чаю попили, по рюмочке на помин души выпили. Утром прихожу, а Фёдор-то Андреич всё сидит в красном углу, к стене привалившись. Видать, сразу опосля нас и помер сердешный. Слава те, господи, не намаялся. Тоскова-а-ал дед-то. Переживал, что на похороны Клавдеи ни Тамарушка, ни ты не приехали.

— Баба Маня, — а тебе сколько лет?

— Ой, голубок ты мой сердешный, дак я и сама уже забывать стала. У меня уж внучка на пенсию лонись вышла. На северях работала, дак на пять годков раньше отпустили. А мне-то самой уж девяносто скоро стукнет.

— Здорово! — восхищённо сказал Андрей.

— Да и чё здорово-то? Здорово, когда не болит ничё, а когда то суставы стонут, то голова кружится, дак уж и здорова-та мало. Ладно, пошли-ка, вон старухи уж почти до деревни доковыляли. Не догнать.

Андрей ещё раз обвёл взглядом могилки деда и бабки, поправил прислонённые к крестам привезённые им из города венки, поклонился. Баба Маня трижды перекрестилась, и они пошли с погоста.

Несмотря на свои почти девяносто, баба Маня шла довольно резво. Старух, конечно, не догнали, но и к дому Фёдора Андреевича пришли немногим позднее их. Баба Маня перед дверью постороилась, пропуская Андрея вперёд. Он было хотел зайти следом, но она подтолкнула:

— Тебе первому надо, с погоста.

Едва Андрей переступил порог, как стоявшая сбоку от двери старушка брызнула ему в лицо изо рта водой. Он отпрянул в сторону, потянулся утереться ладонью, но ему услужливо подали полотенце.

— Не обижайся, милоч, так полагается. Это чтобы печаль смыть. Дед-то твой в приметы не верил, вот и тосковал.

Не пошедшая на кладбище Зинаида, которую Андрей почему-то так и не мог вспомнить, вымыла пол, прибрала в доме, накрыла стол. Пришедшие с погоста помыли под рукомойником руки с мылом, прошли к столу. Снова, как на кладбище, помянули усопшего кутьёй, несколько старушек перекрестились на висевшую в углу икону Николая Угодника, защищающую от нищеты и нужды, выпили, не чокаясь, по гранёной стопке водки, съели по блину.

Зинаида принесла кастрюлю сваренной на курином бульоне лапши, разлила по тарелкам.

— Андрюшенька, скажи слово за деда, — обратилась к нему баба Маня.

— Хороший был человек! Как в таких случаях говорят, царствие ему небесное, и пусть земля ему будет пухом.

Андрей не знал, что ещё можно сказать в таких случаях про своего только что похороненного деда, поэтому замялся.

— Да, и его светлый образ навсегда останется в нашей памяти, — добавил он дежурное, что обычно пишут в некрологах.

— Святой был человек, — добавила баба Маня. — Никому худого слова не говаривал. А уж с Клавдией-то как любо жили! Душа в душу, — повторила она уже сказанное на кладбище.

— Да уж, да уж, — вполголоса заговорили старушки. Мужиков, что копали могилу и хоронили деда, за столом, вопреки обычаю, не было. Они взяли две бутылки водки и уехали работать, общая зайти вечером и помянуть честь по чести. — Клавдея-то порой, бывало, и прикрикнет, а он смолчит, и всё. Уж чего-чего, а не ругивались, это правда.

— А мастеровой-то какой был! — поддержала Зинаида. — И по дому все умел, и топором потесать, и доску строгнуть. А печки, почитай, у всей деревни его руками сложены.

— Да-а-а, мастер был, царство небесное...

— И какой мастер! Печку-то зимой как протоплю, дак всё тепло в доме остаётся, не выдувает. И окна не плачут, хоть какой мороз.

— Его лежанкой я только и спасаюсь. И простуду выгоняю, и поясницу лечу, когда прихватит.

Выпили чаю с принесёнными кем-то из соседок ягодниками и стали расходиться.

— Ты, Андрюша, мужики-то ввечеру придут, дак зови меня, — говорила Зинаида. — Я угощение-то сделаю. Не мужицкое дело стол накрывать да посуду мыть.

— Хорошо, спасибо большое! Я обязательно позову.

— Вон на той стороне дороги дом с зелёными окнами. А то можно и у нас стол собрать.

— Нет, Зинаида, негоже поминки в чужом доме устраивать, — урезонила баба Маня. — Не по-людски это. Да и беду накликать можно. Ох, жалко, что матушка-то твоя Тамарушка не приехала. Жалко!

— Так я же говорил, что она в больнице лежит.

— Вот и на похороны Клавдии-то тебя дед ждал да ждал, не дождался. И на погосте всё на дорогу поглядывал, не едешь ли.

— Да я за границей в командировке был. Я ведь и узнал-то уже только спустя неделю, когда домой вернулся, — в который уже раз меньше чем за сутки оправдывался Андрей. Все в деревне это уже знали, но каждый в отдельности хотел сказать ему, как ждал его дед на похороны бабки. И что тосковал очень.

Когда все ушли, Андрей сел к столу, налил стопку водки, ещё раз мысленно пожелал деду царствия небесного, выпил, медленно обвёл взглядом внутреннее убранство дома. В последний раз был он здесь несколько лет назад, но ничего с тех пор не изменилось. Всё было на прежнем месте, так же стояли в застеклённой горке гранёные стопки и привезённая им из-за границы красивая чайная пара из тонкого китайского фарфора. Наверняка, за все эти годы никто ни разу не пил из этой чашки чай, а служила она украшением да поводом похвастать перед односельчанами иностранным подарком внука.

Всё в доме было как всегда, только на этот раз по давнему обычаю на зеркало и экран старенького телевизора были наброшены полотенца. На телевизоре стояло блюдечко с поставленной на него накрытой давно зачерствевшей скибкой хлеба стопкой, водка из которой тоже почти полностью испарилась. Значит, дед не убирал эту поминальную стопку с самых похорон и в знак траура не включал телевизор.

— Тоскова-а-ал! — вспомнил Андрей не раз сказанное бабой Маней слово.

Затоскуешь тут в одиночестве, когда не с кем перемолвиться словом. Тем более, что прожили вместе больше шестидесяти лет, с того самого дня, как пришёл дед с фронта и почти сразу же женился. Просто удивительно, подумал вдруг Андрей, но ведь они все эти годы, кажется, ни разу не разлучались даже на несколько дней. Ну, да! Насколько он знает, никто из них не бывал в санатории или на курорте, не ездили ни разу к дочери в город. Это они с матерью навевались в деревню. Иногда вместе, иногда, если Андрей уезжал в детский оздоровительный центр, мать навещала родителей одна.

— Поразительно! — сказал Андрей, удивившись, что его дед и бабка ни разу в жизни не расставались. И тут же удивился, что произнёс это слово вслух, хотя был в доме один. — Да, тут затоскуешь!

Он вышел в ограду, сел на лавочку возле стены, где ещё совсем маленьким не

раз сживал с дедом. Он тогда всё порывался сорваться и куда-нибудь бежать, а дед обнимал его за плечи и просил побыть с ним рядом.

— Набегаешься ещё, — говорил он. — Вот вырастешь, набегаешься по белому свету, придёшь, сядешь на эту лавочку, а нас с бабкой уж и нет. И не к кому прижаться, пожалиться. Посиди ишо маленько. Побудь с дедом.

Эти слова Андрей слышал и будучи ещё совсем маленьким, и уже достаточно взрослым, когда учился в старших классах. Ребёнком не сиделось, потому что надо было бежать к ребятам, а будучи старше, как-то стеснялся проявления дедовой нежности. Мать растила его без отца, держала в строгости, считая, что только так сможет вырастить его закалённым, готовым к суровостям жизни. Бабушка, наоборот, пыталась дать то, чего не получал от матери. Она окружала его такой заботой, что даже в совсем юном возрасте он стеснялся, а когда подрос, бурчал, что не маленький, чтобы с ним сюсюкать. А теперь сидел на лавочке и вспоминал, как бабушка по утрам гладила морщинистыми сухонькими ладошками его голову, и он удивлялся, что такие скрюченные и мозолистые пальцы могут быть такими нежными.

Он бы сейчас прижался к деду, сам бы обнял его за костлявые плечи, но нет уже деда. И никогда больше не будет. Прав он был, говоря, что потом некому будет пожалиться. Андрей бы и не стал жалиться, он бы просто сидел рядом, такой молодой и сильный, и чтобы дед молча смотрел на него и радовался, что у внука всё хорошо. А бабушка бы тоже сидела на ступеньках, как это часто бывало по вечерам, и любовалась бы ими, своими родными, как она говаривала, мужчинками.

Баба Маня говорит, что дед тосковал. Тоскова-а-ал... Затоскуешь тут, когда каждая мелочь напоминает о былой силе, которую не вернуть, об ушедшей из жизни жене, о стремительно пролетевших годах, и когда остаётся только ждать собственного конца. Тяжело, наверное, вот так сидеть и ждать смерти, которая уже не пугает, потому что впереди нет ничего светлого и радостного. Единственная дочь вот уже тоже на пенсии, внук мотается по белому свету, раз в несколько лет заглядывая к старикам в деревню, где скоро начинает скучать по привычной шумной городской суете. Сходить поговорить к соседям? Так ведь всё уже переговорено на много раз. Газеты не ходят, это раньше выписывали много всяких, от районной «сплетницы» до самых что ни на есть центральных. Клавдия, как помнит, всегда первым делом оформляла «Крестьянку» да «Работницу». А потом и эти стали и слишком дорогие, и запестрели рекламами шикарных, совсем не крестьянских одежек и украшений.

Вот телефон в каждый дом поставили. Им, как семье ветерана войны — в первую очередь. А кому звонить? Мане через дорогу или Зинаиде? Так ведь лучше так сходить. Тамарке в город? Так она сама каждую неделю звонит, с бабкой про пустяки разные треплются. На озеро отходил — ноги не те, да и законов всяких напридумывали, что нельзя сетками ловить. Браконьерство, видишь ли! Да раньше, пока всё общественное было, всей деревней сетки круглый год ставили, рыбой жили, а теперь какие-то вроде аж из самой Москвы хозяева объявились.

Обо всем этом, помнится, дед с горечью рассказывал Андрею, когда он приезжал навестить стариков, и укорял, что они, журналисты, не пишут про эти дела, а всё выискивают разного рода страшилки. Вон недавно «сплетница» писала, будто в их лесах какой-то снежный человек водится. Да отродясь тут про таких никто не слыхивал, а уж мужики все леса вдоль и поперёк исходили на охоте-то.

За этими воспоминаниями Андрей вдруг встрепенулся, что за сутки, как он

приехал в деревню, его телефон, не умолкающий в городе даже поздним вечером, не зазвонил ни разу. Достал из кармана мобильник, посмотрел на экран. Сети не было.

— Надо же! — удивился почему-то. Вроде в самых глухих местах связь теперь есть, а тут, всего-то в каких-то полутора сотнях километров от областного центра, он оказался оторван от жизни. В прошлый приезд не было, но ведь уже столько времени прошло, могли бы где-нибудь поблизости и поставить вышку.

Зашёл в дом, достал из рюкзака ноутбук, положил на стол, и только тогда вспомнил, что без мобильной связи и с ноутбуком в интернет не выйти. Захлопнул крышку и стал смотреть в окно на медленно наползающие из-за деревни сумерки. Скоро должны заявиться мужики, что копали могилу и хоронили деда. До их прихода надо было чем-то заняться.

Андрей встал, открыл верхний ящик комода, где раньше лежали фотографии и поздравительные открытки. Они никогда не выбрасывались, а складывались стопочками и перевязывались разноцветными ленточками. Всё это добро оказалось на прежнем месте, накрытое большой тетрадкой с картонными корочками. Эти тетради именовались амбарными книгами. Андрей помнил их ещё с тех пор, когда приезжал на каникулы, а дед, работая счетоводом, просиживал вечерами за разными бумагами и переписывал из них в такие же амбарные книги какие-то цифры, по несколько раз пересчитывал их на счётах, весело стуча нанизанными на проволоку деревянными костяшками.

— Странно, — подумал Андрей. — Неужели дед на старости начал сводить баланс семейного бюджета? Или вдруг решил пересчитывать сальдо-бульдо бывшего колхозного баланса?

Достал из ящика эту книгу с привязанным к ней тонкой капроновой ниткой химическим карандашом, открыл первую страничку. Крупным почерком на ней было написано: «Я ушёл на озеро. 04.30». Ниже стояла вторая запись: «Сударыня! Не соизволите ли Вы почистить рыбу и сварить уху? 12.15». А ещё ниже другим почерком: «Сами не баре! Я с Вами не намерена за одним столом сидеть до тех пор, пока не услышу извинений. 12.20».

Андрей заулыбался. Значит, эта книга была семейным бортовым журналом, при помощи которого общались между собой почему-то поссорившиеся дед и бабушка. Перелистнул страницу.

«Сударыня! Уха получилась вкусной. Рекомендую отведать. 13.45» «Спасибо! Сыта по горло Вашей наглостью. Без ухи проживу. 13.50» «Ну, как знаете! Было бы предложено. 13.55» «А перец куда задевали? 13.58» «Глаза разуйте! Где был, там и лежит. 14.00»

Эта переписка была настолько умильной, что Андрей сел на стул и во весь голос рассмеялся. Ай да старики! Это же надо додуматься! Поссорились, не хотят друг с другом разговаривать, переписку затеяли. Ой, молодцы!

«Не пойти ли нам спать, сударыня? 21.45» «Я с таким кобелём не намерена спать в одной постели! Лучше на лежанке. 21.46» «Лежанка не топлена — простынете. Заболеете. 21.48» «А заболею да помру, дак Вам хоть руки развяжу. У вас вон уже есть молодуха на примете. 21.50». «Не говорите глупостей, Сударыня! Пойдёмте спать. 21.52» «И один повалитесь в холодной постели! 21.55» «Да полно глупости-то пороть! Только и делов, что помог бабе стайку отремонтировать. 22.00» «Полдня он стайку ремонтировал. Кобель Вы и никто больше! 22.10. Спокойной ночи!»

Судя по тому, что следующие записи были на другую тему, дед с бабкой этим вечером всё же помирились. Поскольку в журнале было указано только время, но не было дат, нельзя было и определить, когда они поссорились снова.

«Ши — в печке. Кушайте на здоровье, морда бессовестная, кобель несчастный! Не знаю, сколько времени. Могли бы хоть часы отремонтировать, а не по чужим дворам шляться». «Часы отремонтировал. Что ещё изволите? Время вечером по телевизору поставите». «Дров-то и я мог бы принести. Чего же не сказали?» «Сама не переломилась! Вам силы на молодух беречь надо».

Потом снова шла переписка, что пора ложиться спать. И, похоже, постель снова помирила.

Увлечшись чтением, Андрей очнулся, только когда открылась входная дверь.

— Можно?

— Да, да, конечно! — засуетился Андрей. — Проходите, пожалуйста, к столу! Или руки помыть?

— Да не надо! Не такие уж и грязные, — отмахнулся муж Зинаиды.

— Мне Зинаида наказывала, чтобы, как вы придёте, её предупредил. Она хотела закуску приготовить.

— Да не надо нам тут Зинаиды. И без неё найдём, чем закусить. Выпить-то есть?

— Этого — сколько угодно.

— Вот и ладно! Ну, мужики, помянем Фёдора Андреича, добрейшей души был человек. Пусть земля ему будет пухом!

Поскольку в доме не было соблюдающих обычаи старух, первым делом выпили, а потом уже закусили кутьёй, блинами и рыбником.

Андрей пошёл разогревать суп, но Николай его остановил:

— Не суетись ты! Мы и холодного похлебаем. Так даже вкуснее.

— Не надо греть! Не надо, — поддержали остальные. — Мы это, не интеллигенция. Мы по-простому любим. А не за столом дак и совсем бы хорошо было.

— Да ты, Николай, скажешь тоже, чё нам, из-за стола на улицу что ли поминать идти. Нет, покойный в доме жил, тут и положено поминки устраивать.

— Да я это так просто. Мы ведь чаще-то как? На берегу с мужиками. Или возле бани. Напарисься, в озеро окунься, да как по стопарику накатишь!

— Ой, после байны-то душевно! Вот завтрая бабы байну натопят, мы тебя по-нашему, по-деревенски-то венником попотчует! Ладно, чё расселись-то? Наливай, Никола! Заодно и бабу Клаву помянем. Ой, хорошая у тебя была бабка! Не зря её дед Сударыней называл. Ну, царствие им небесное! Не заждалась своего Сударя. Быстро к себе призвала. Она ведь ревнивая была! Ну, спасу нет, до чего ревнивая! Как-то на Иванов день баба Маня пошутила, что дед-то в молодости ещё тот ходок был. Мол, и к ней клинья подбивал, даром, что на пять годков старше, а уж молодух так ни одной юбки не пропускал. А баба Клава-то сидит, смотрит так на всех, и непонятки берут — это как же так? В дерене все про всех знают, а она про своего мужа такого да не знала! Ох, кобель проклятуший!

Ну, старухи-то захотали, мол, разыграли тебя, дуру старую. Разыграли-то разыграли, а она с тех пор стала за дедом приглядывать. Упаси бог, с кем из баб на деревне остановился! А уж если какой вдове по хозяйству чем помог, так потом неделю с ним не разговаривала.

— Погодите, а как же дед печки клал? Ведь, говорят, во всех домах он печки делал.

— Дак она от него ни на шаг не отходила. Он клал, а она глину месила, кирпичи подавала. Ни на шаг от мужа.

— Это что, на восьмом десятке? — изумился Андрей.

— Да и на девятом тоже, — уточнил Николай, и все засмеялись.

И вот теперь стали Андрею понятны те намёки про старого кобеля, что написаны в «бортовом» семейном журнале. Ну, дед! Ну, бабка! Ей-богу, как молодые!

Помянули мужики хорошо! Уходили с поминок нетвёрдой походкой, обещая завтра устроить городскому гостю настоящую баню.

— Ты смотри, Андрюха, не сгузай, — обнимали его по очереди и хлопали по плечу. — Девять дён надо пожить, на погост сходить. А потом можешь и ехать в свой город. Да завтра с бабками сходи на могилку. Положено на другой день после похорон.

Андрей несколько раз благодарил мужиков за помощь, те в свою очередь спасибкали за гостеприимство. Расстались у калитки, когда на улице уже совсем стемнело.

Вернулся в дом, убрал со стола, помыл холодной водой с мылом посуду. Вспомнил, как раньше, когда приезжал в деревню на несколько дней, суежилась возле гостя бабушка, как не могла она нарадоваться внуку, подсаживалась рядом погладить его по плечу, взять в свои скукоженные временем ладошки его руки, а дед сидел с другой стороны почти под иконой и молчал.

— Да, уходят старики, — с тоской подумал Андрей. Ушли из жизни дед с бабкой, а многие ли останутся в живых через пару лет из тех старушек, что ходили сегодня на кладбище провожать в последний путь деда Фёдора? И пусть это были совсем чужие люди, их было очень жаль, потому что уходило вместе с ними что-то очень большое и значимое в его жизни, разрывая невидимую нить с его детством.

Андрей снова взял в руки амбарную книгу, открыл наугад на странице, где была сделана последняя запись.

«Ну, почему ты, Сударыня, меня одного тут оставила? Что мне тут без тебя делать? Пусто на душе и тоскливо. Тоскую!»

Андрей прочитал текст, отодвинул книгу на середину стола и долго сидел молча. Потом придвинул ближе, взял привязанный карандаш и крупно вывел: «Дорогие мои старики, я только сейчас понял, как трепетно вас люблю, и буду очень без вас тосковать... Очень-очень!».